

заснеженное солнце

Полина Зубкова

2024-08-17

Contents

Часть 1	1
ПРОЛОГ	1
ГЛАВА 1	2
ГЛАВА 2	3
ГЛАВА 3	4
ГЛАВА 4	6
Глава 1.	45
Глава 2.	46
Глава 3.	47
Глава 4.	48
Глава 5.	49

Часть 1

ПРОЛОГ

Я поведаю вам об одиночестве,
О разлуке, о чувстве горечи;
Которое, может, и мне не понять.
Но поверни мы время вспять,
Увидим тех родных людей,
Тех близких, к сердцу что прижаты,
И ничего.
Лишь только надо
По-настоящему скучать.
Не горевать,
А мирно ждать.

О нет, друзья,
Я не хочу с вас снять,
Розовые очки.
Вы веселитесь, хватайте сачки,
Бегите быстрее и смейтесь так ярко,
Что от смеха щёчкам станет жарко!
Любите и пойте, живите моментом.
Вот всё мои для вас аргументы.
Я лишь подожду.
Когда не кликая по имени-отчеству,
Я поведаю вам,
Об одиночестве.

ГЛАВА 1

Норвегия.

Прекрасная Норвегия расстилалась лесами, горами и озерами, где кажется был вечный туман. Тучи медленно плыли, а туман не сходил да не сходил. Птицы садились около озер, что под горами, за которыми зеленели таинственные темные леса.

Казалось, в этих местах Солнце так редко светит. Все пытается пробить подчиненными собой лучами свет и пытается, пытается пробить туман и тучи, пытается пробить мглу и свет. Да никак у светила не получается. Бьется, бьется, и так устает, что идет в другие края, а в эти подзывает Луну.

А уж Луна-то как пробьет туман с тучами своим светом и лучами, как пробьет мглу темнеющую и свет невиданный норвежскому народу, так и останется хозяйничать на всю ночь. Когда совсем тяжело станет, то подзовет звезд на помощь, высыпая их по всему темному небосводу.

Свет и красота баюкает жителей, чтобы спали, так крепко спали. И чтобы горы спали, и озера чтоб спали, а леса будут рассказывать друг другу историю на ночь, так и уснут.

А история у шумных лесов на каждую ночь все одна- такая интересная, что не могут перестать ее рассказывать. Вот начнет одно дерево свою молву о девушке, красивой-красивой девушке, жившей в маленькой деревне; и тут же продолжит второе, рассказывая, как она жила, как помогала соседям и была доброй души человеком.

Тут уже весь лес зашелестит своими кронами, заплетет заново историю, как у девушки из деревни все жители ушли. Умерли, переехали, куда-то пропали.

И никого не осталось.

А хитрая девушка сняла свой расписной корсет, взяла свой лук со стрелами и захотела добраться до нового, еще не построенного, но определенно большого города через лес. И может, там бы она привела людей в свое село, вот только так ей стало обидно и грустно, так одиноко и тожливо, что казалось, только деревья поняли всю ее беду. И отводили ее, отводили, да только ни до города она не добралась, ни людей не нашла. Пропала.

И поминали ее деревья добрым словом, помнили о ней и называли ее Габриэлью и ласково кликали ее Лесным Духом.

И прижилось так народу это имя, так прижилась эта история в деревне Бейарн, что стали сплетни плести и другим рассказывать.

Полюбил народ, но не девушку.

Лесной дух полюбил.

ГЛАВА 2

Она пребывала в вечном одиночестве.

Пребывала в боли, в нескончаемых страданиях.

Она всё рвалась, она пыталась, пыталась найти хоть кого-то, она молилась на ночь ради своей мечты, она кричала, кричала так отчаянно от боли, чтобы услышал хоть кто-то, хоть кто-то услышал!

И никого.

За века, за столетия, за всё года и времена.

Никого.

Она больше не могла терпеть одиночество.

Она легла, легла в белый мягкий снег.

И громко заплакала.

Как же она устала, как же она соскучилась по людской ласке!

И где же,

Где она?

Она искала всё время, веками, столетиями и годами.

И не нашла.

И всё кричала и кричала, чтобы кто-то пришёл.

И как больно ей было.

Она устала нести эту ношу.

Она устала быть в вечном одиночестве.

Она устала, что даже снег, даже пурга, стали её убаюкивать.

А она лишь лежала с желанием отдохнуть и растворится в белом снегу.

Но растворится и отдохнуть она могла не в белом снегу, а лишь

в людях.
В людской ласке и любви, в человеческой доброте и терпении.
Она давно это поняла.

ГЛАВА 3

Погода, казалось, была самая обычная, но такая странная. Свежий туман только начал приходить, морозный воздух был такой чистый, что дышать было так легко. А выдыхать так тяжело. И холодно становится. Снежинки медленно-медленно спускались с темнеющего неба, освещая и его, и прозрачный воздух.

Солнце, казалось, продолжало еще дремать этим утром, а не лениво выкатываться в попытках пробить своими лучами мглу и тучи.

За ночь дорожки припорошило блестящим холодным снегом, что приятно хрустел на сапогах явно не местного товарища. Одет был в теплую шубу, хотя и под ее густым мехом виднелся пиджак. Рубашка и весьма располагающее милое лицо со спокойной улыбкой. Растрепанные каштановые волосы закрывали взгляд позади идущему долговязому другу, что нервно протягивал очки ему забывчивому.

Казалось, откуда тут такие долговязые, но белесость и ярко выраженный акцент выдавали его за здешнего. Криво зачесанная копна волос, старый-престарый галстук, криво заштопанные штаны. Ухоженная кожа с небольшими яркими веснушками, вздернутый носик и тревожный взгляд. Правда, смотрел этот человек так нервозно, так строго и с волнительным страхом, что и доверятся такому не хотелось.

И с вечной тревогой он отвечал на речи первого, а тот все говорил ему и говорил:

- Ну-с, не угадаешь, ай ты не угадаешь, чего я сейчас надумал, - говорил он задорно, но размеренно, подергивая большим носом от мороза. А сзади идущий товарищ все смахивал да смахивал снег с чужих плеч. Снежинки плясали в его растрепанной гриве, а товарищ все так же нервозно отвечал:

- Нет-с, пожалуй, никогда, никогда не догадаюсь.

Ответ поступил незамедлительно:

- А вот оно что: уже я знаю, что придется сейчас делать, ай даже с кем уже знаю, уже все я знаю! - говорящий явно гордился своим этим знанием, очень гордился.

- Хитёр ты! А если промахнешься? - со смешком и привычной тревогой спрашивал белесый.

- Ах ты, Уве, все у тебя плохо! – воскликнул рассказчик, чихая,- Слыхал? Правда значит, не промахнусь! – и так же размеренно зашагал.

Казалось, он давно уже понял, что стоит поторопиться к своему месту работы, подобно своему товарищу, но кажется, и товарищ подождет, и работа подождет, а там уже его весь мир ждать будет.

А он и не напрягался, наоборот, считал, так даже лучше.

- Послушай-ка, - блаженно и интригуяюще начинал он, - Хочу тебе рассказать, что первым делом ко мне всегда подходит один... Герр. Чудак, ей Богу, чудак!

Уве непонимающе поморгал глазами, обнимая друга и снова стряхивая снег с его плеч. Отойдя, он схватил его за руку, чтобы вещающий друг не свалился и спросил его:

- И что же-с, получается, все у тебя там такие чудачки?

- Да брось, он один бредовый, - перебил тот беднягу Уве, - Под дверями меня ждет каждое утро, ну я его издаю, естественно-с. После обеда зайдет, и, Упаси Господь, вечером придет, - жаловался он на вечного посетителя, отрывая свою руку от товарищеской. А тот смиренно продолжал слушать рассказы друга- переплетчика, так еще и редактора.

А он, болтун, все продолжал, уже восхищаясь:

- Но пишет как, ах ты бы знал, Уве, ай может и узнаешь! Разборчиво, красиво.

- И чем же сей Герр чудак? – с живым интересом и горящими глазами спрашивал белокурый товарищ. Кажется, тот правда проникся и заинтересовался незнакомцем-чудаком.

- Так вот оно какое дело, мой друг, - устало вздохнул редактор,- Все же в разных направлениях он пишет-с, да еще как, но чудно мне это: все на одну тему, все о небывалой красоты девушке и дивном густом лесе.

Нервный товарищ замолк, убавив темп, пока идущий рядом ждал его реакции. Так и не дождавшись, болтун-редактор продолжил:

- И невольно думается мне, тревожиться, коль бы чудак мой не влюбился, авось влюбился, ой Уве, совсем кажется влюбился...

- А сколько же ему будет? – учтиво спрашивал друг, нервно доставая часы из кармана в страхе опоздания. Ведь как старые приятели могут так заболтаться, что про что угодно на свете забудут.

А рассказчик совсем не задумывался о таких мелочах, продолжая:

- Господь его разберет, около девятнадцати, скажу, лет от роду. А тот еще чудак, еще какой чудак...

- Глупейшим будет человеком Герр?

- Глупейшим будет! Глупейший человек, ей Богу!- переходил на хохот редактор, - Что первое ему вздумается, то и делает.

- Глупейший!
- Глупейший, Уве, глупейший! Еще и на ровном месте падает, - морщась хохотал растрепанный рассказчик, - И чечетку Герр в снег спляшет.
- Совсем было глупейший?
- Да так и будет!
Кажется, уже оба товарища забыли счет времени. Даже Уве забыл о своей вечной тревожности и нервозности. Так тепло и хорошо ему было в холодное утро.
С неохотой, тому пришлось достать из кармана дорогие позолоченные часы, и выдыхая:
- Ты бы на время поглядел, а повеселил ты меня своим Герром так уж повеселил,- казалось, ему вернулись и счет времени, и вечная тревожность, - Пора-с .
- Пора-с, товарищ, буду рад, коли еще зайдешь.
Так и распрощались.
А снег все сыпал и сыпал, проясняя небо и вызывая, выкатывая солнце.
Утро было веселым.

ГЛАВА 4

Солнце начинало попытки пробиваться, билось через бесконечный прозрачный воздух и белый снег, что сыпал огромными хлопьями. Редактор, явно с чужих земель, подходил к своему месту работы, где около массивной деревянной двери его уже заждался чудной Герр.
Подходил он к небольшому лачужному домику, где его уже заждался большой стол, захламленный бумагами, любимая чернильница и перо. Бечевка, неаккуратно лежащая на стуле, коробка в темном углу с запасами кожи, рядом с которой был небольшой камин. Большой-большой стол упирался прямо в маленькое окошко, что стояло так низко. Однако, казалось, будто он видел все через это окно: озеро где-то внизу, где давно застоялся густой молочный туман. Большущий холм на котором стоял его домик вел к домам, разным-разным домам, и все в тумане; к озерам и лугам, необъятным полям, и все в тумане; к лесам с бесконечными елями и тонкими березами, с молодыми соснами и огромными дубами, и все в тумане; к горам невиданной вышины, и все в тумане.
И это прекрасное вдохновляющее зрелище он видел каждый день.
Из маленького окна рядом со столом.

А там, где-то там, около массивной деревянной двери давно мерз чудной Герр.

И так вдохновлял его этот Герр, что сейчас чихал и чихал, так чихал.

Чуден Герр был даже на внешний вид: было на нем легкое синее облезшее пальто, армейский потрепанный ремень, старые-старые штаны, под которыми виднелись новомодные гольфы. И чудно было редактору не только возраст вещей, старых-старых, но и обычные туфли Герра. У всего народа были такие же туфли, как и у чудного Герра, а он в них и зимой, и летом, а ботинкам хоть бы хны. И представлялось редактору, как он шел через сугробы. Под желтеющим пальто виднелась рубашка и нательный крестик, а лицо у Герра было удивительно и даже обаятельно. Черты его были поистине невинны: серые-серые глаза, пухлые щеки, потрескавшиеся губы, нос крючком и кудрявые-кудрявые светло-русые волосы украшали его, но не так сильно, как омерзительные костлявые ручки. Тоненько расцарапанные пером, измазанные в чернилах и с выпирающими костяшками с небольшими мозолями ручки, редактор считал главным вдохновляющим украшением паренька. Герр не носил перчаток. А ему и не надо. Все равно ему было на нынче популярную прихоть. Омерзительными костлявыми руками он держал огромную сумку. И не было понятно, откуда у него такая сумка. Сам, наверное, сшил. Или матушка.

Герр был добр и вечно спокоен, что любой другой удивлялся такому размеренному спокойному человеку. Однако, чудным и глупейшим был прозван Герр не поэтому. Слишком безмятежен, безответственен, а дела он делает настолько спонтанные, несуразные и странные, так и делает резко и неожиданно, что становится и смешно, и страшно.

Несет свое клеймо дурака.

Имя у Герра было простое, нынче популярное, красивое- Морис. Морис Кьеррсон звали Герра и было ему всего 19 лет от роду.

И сейчас же этот Герр Кьеррсон чихал и чихал, прикрываясь рукавам из-за неимения чего-то другого.

- Мать Божья, чего ты сразу о рукав! - обеспокоенно бормотал редактор, открывая двери в свое пристанище, - Коли платки ныне модные есть, так доставай.

- Не будет платка, дяденька, - сонно отвечал Герр Кьеррсон, жмурясь от снега и собственного чихания.

- Тьфу ты, да возьми уже из рук моих, горемыка,- возмущенно выдыхал тот,- Чего ты сразу сам не заходишь, коли мерзнешь? Двери никогда не бывают заперты, - из интереса спрашивал Герр редактор, проходя к своему рабочему месту. Дрова в камин пришлось подкинуть, пока чудной писатель разглядывал полученный платок. Тот прошел и сел на стоящий рядом

табурет, благодаря хозяина за вещицу, после объясняясь:

- Не уважительно выходит это к тебе, дяденька. Я тебя, Герра, ждал, как верный пес ждал,- тот снова чихнул в полученный платок под хмыканья и удивления редактора:

- Ишь ты, говоришь, как верный пес ждал,- он сел на табурет рядом, поправляя очки на носу, - Ну и чудак ты, Кьеррсон, ну смотри мне, - и засмеялся, отогревая руками ничего не понимающего замерзшего писателя.

Крепким здоровьем Герр Кьеррсон не обладал, наоборот, был крайне болезнен по своей природе. А занятой редактор ему все напоминал одеваться теплее, раз мать родная за ним не следит. Но восхищен был им Герр редактор, так восхищен, что улыбался, по-идиотски улыбался такому идиоту:

- Ну показывай, чего у тебя там, коли пришел. Аль чего-то есть, ай точно что-то есть, не обманешь!

- Уж прости, Герр, - спокойно, смакуя каждую секунду, отвечал растрепанный кудрявый писатель, - Все буду вдохновлен я неясной мне девицей.

Надо же такому идиоту так вдохновиться, аж на всю жизнь вдохновиться! Со смехом спрашивал редактор:

- И что же, коли снова сослагал сказки о ней? Или уж будут песни, ни дай Бог, песни сослагал?

- Поэма, Герр, поэма, - все с тем же спокойствием отвечал тот, - Стихи, снова стихи.

- Видывал уже твои стихи, - бубнил тот, - Показывай уже.

Герр Кьеррсон взвалил сумку на пол и стал доставать. Кучи бумажных стопок, связанные ниткой, отдельно лежащие листы и другие бумажки заполнили стол. Уместить это все удалось в несколько стопок.

- Даешь, брат, - редактор просматривал труды, с ужасом думая о предстоящей работе, - Неужто все твоя работа будет?

- Видимо, будет так, -учтиво кивал писатель, чихая от скопившейся пыли.

Герр редактор стал просматривать первый попавшейся лист, закуривая. К табаку тот не был привязан сильно, однако такой объем работы над стихами его пугал:

- Ежели есть мысль над названием, то изволь.

Ответ поступил незамедлительно:

- «О моем лесном духе.»

Тот недоверчиво хмыкнул и сел высчитывать деньги за такую работу:

- Ну-с, придется тебе отдать за такую работу не мало, - вздыхал тот, подсчитывая каждую монеточку. Да, за такую работу от зарплаты придется забрать половину, - Но и придется дать-с тебе не мало, - тот сложил ему в мешочек деньги, закрывая его

руки своими теплыми ладонями, - Около трех тысяч.
Герр Кьеррсон покорно принял мешочек, кланяясь и говоря
очередные слова благодарности. Завтра он снова придет с
благодарностями и наверное, оденется теплее.
Да, ему определенно нужна теплая одежда.
Он ушел, думая об этом.
ГЛАВА 5

Домой шёл Морис налегке.
Лишь снег стал сыпаться быстрее и чаще, разразилась пурга. И
всё заметала его эта пурга, весело сметая и мысли из головы.
Небосвод, как обычно, затянут тучами и туманом, а пурга ещё
больше мешала солнцу пробиться.
А оно уже и бросило все свои попытки.
А Мориса все шатало, сносило, как и все тревоги, все ужасные
мысли.
У того их было мало, ничтожно мало, но сейчас, любая мысль,
хорошая или плохая, была занесена метелью.
И пропадала.
Оставалась лишь голая беззаботная душа юноши.
И радость.
Чистая радость, искренняя радость, откровенная радость.
Радость от оценки трудов и поощрения, конечно.
Радость поселилась в душе, порождая импульс, из которого
выходило желание.
От радости, бесконечной импульсивной радости, хотелось
плясать.
А он и схватился за первый попавшейся фонарный столб и стал
расплясывать любимую чечётку.
Влажная снежная слякоть не мешала радости, взгляды из толпы
не мешали радости, крики и хохот не мешали радости.
Радость лишь своевременно текла.
В танце.
В хлопках руками и по ногам.
В покачивании бёдрами и быстрыми движениями ног.
Радость отбивала и отбивала нужный ей ритм.
Ритм всё бил и бил по людским ушам, лишь привлекая людское
внимание.
Но сразу, сразу все заметались.
Танец, крики, хохот, слякоть, взгляды, толпа, хлопки и шум.
Но не радость.
Радость продолжала нести свой ритм до самого дома.
Так хорошо было на душе, так она светилась этой самой
радостью, что этот нетушимый свет был так ярко.
Был ярче любого фонаря.

ГЛАВА 6

Утро.

Слишком теплое утро для зимы. Снег тихо падал на землю огромными хлопьями.

А он сидел, сидел в своем теплом зеленом шерстяном шарфе. В чашке был чай, а за окном облака и тучи, покрытые пеленой тумана; необъятные горы-великаны, покрытые пеленой тумана; городские виды, покрытые пеленой тумана; солнце, покрытое пеленой тумана; снег, покрытый пеленой тумана. Густого, молочного тумана.

А он сидел, и с надменной улыбкой, смотрел, как солнце пытается пробиться через снег, туман и тучи.

Бедняга.

Не получится.

А солнце все билось и билось.

А он думал.

О своем образе.

Лесной, белесый образ девушки.

Легкой, задумчивой девушки.

Интересной, странной девушки.

Как же он мечтал, как грезил ею.

Как его манила загадочность, манила красота, манил тот образ, который он мог назвать своей любовью. Странная, непонятная девушка; странный, непонятный образ из странной, непонятной легенды.

А если она существует?

Если существует образ?

Если существует девушка?

Он бросит все.

И пойдет ее искать.

Искать образ, искать девушку, искать любовь.

- Дяденька! Герр! - сигналил тот, прибежав к явно не местному редактору, - Пришла мне такая мысль, ай не представишь!

Тот взмахнул дверью, хлопнул кулаком по столу, разгоряченный совей гениальной идеей.

- Как же я рад, что есть на тебе хоть что-то теплое, кроме рубашки, мой мальчик.

ГЛАВА 7

- Ты не можешь представить, я так вдохновлён!

- Так что же будет за мысль-с?

Неужели будет очередной шедевр?

- Я не собираюсь писать-с. Другое, Герр, другое!

- Так что же?

- Протри очки, пожалуйста. Они очень грязные.

- ...Как грубо-с.
 - Так ты знаешь, я пойду.
 - Ты куда-куда собрался-то?
 - Искать.
 - Её.
 - Ты кого-кого собрался искать-то?
 - Ну образ. Стих.
 - Аль правда стих?
 - Да, девушку. Герр ещё над ней хохотал.
 - Я-то хохотал, да изволь, брат, совсем не понимаю-с, чего ты удумал и куда собрался.
 - Да ты же знаешь, читал же, читал же о девушке написанное.
 - Тобою написанное?
 - Мною написанное.
 - Ну-с, а мы с другом гадали, аль влюбился Герр, ой точно, думаю, влюбился.
 - Да ну....
 - Я её найду, Герр.
 - И что же, думаешь, что существует?
 - Естественно-с.
 - В лесу ли считаешь?
 - Естественно-с .
 - И что же, ты пойдёшь в лес?
 - Естественно-с.
 - Бедолага ты, помрешь ведь, ай помрешь!.. И без того весь в болезнях, всё сидишь да чихаешь, так лес и в зиму погубит тебя ведь. Гибели своей захотел?
 - Ну нет, чего-то уж Герр разволновался.
 - Тьфу ты! Хоть валенки возьми.
 - Нет предела моей благодарности, а откуда у Герра сия обувка?
 - Ох, мой мальчик, она ещё дедова, ай какая старая обувка! Победил дед медведя и сделал обувку. Вот теперь и носи.
 - Какой ты хороший рассказчик, дяденька.
 - Не благодари, брат. Шагай уже в свой лес. Найдешь её.
 - Найду её?
 - Коли захочешь.
- ГЛАВА 8

И с доброго утра,
 Он понял лишь одно:
 Не мудрено, а даже глупо,
 Мечтать о чуде
 Безмятежном,
 О том, что где-то ждёт ведь нежность
 И лишь пора найти её.
 Пришла пора

Искать мечты,
Подумал он,
Надев портки.
Пришла пора
Найти любовь,
И радоваться вновь и вновь
Такой находке.
Взял он мешок-
Хотя бы это.
И хватит этого
До лета,
И даже дольше.
Взял он бумагу да перо,
Коль мысли излагать дано
Ему ведь лишь в письме,
Чего же ради?
Бог знает, взял он кусок ткани,
А кто же знает,
Что же случится со штанами?
Взял он и нож,
Под крик: "Помрешь!",
Задумался, что будет есть:
"Вина бы надо приберечь..."
Быть может, снегом запорошит,
Зато он взял еды побольше.
А кроме той буханки хлеба,
Он же истратил кучу денег
На флейту.
И её он взял,
И как Бог знал, не прогадал.
Взял он иглу,
Зашить портки,
Если засядет в камыши.
И глядя вдаль, взял он мешок,
И задрал голову,
Пошёл.
ГЛАВА 9

Спокойствие.

Наконец-то долгожданное спокойствие на душе девушки.
Лишь вера, святая вера в счастливое будущее держала её на плаву.

Проще ждать и стремиться к цели?

Эта мысль её успокаивала.
Она так устала.

Пора спокойствия.
Пора отдыха.
Пора мечт.
Пора стремлений.
Она решила умыться.
Умыться от боли, умыться от отчаяния, умыться от одиночества,
умыться от страданий и печали.
Она успокаивалась, смывая всё в ледяной воде, и лишь мечтая о
чём-то, да мечтая.
Она залезла в воду, скрывая в ней свои голые тела.
Она мылась с крепкой надеждой на светлое будущее.
Она мылась с желанием хорошего, устремленная к своей цели.
Она мылась с надеждой на хорошее

Часть 2

ГЛАВА 1

Очередная небесная мгла. Солнце не пыталось сдаваться покрывающим небо тучам, а все светило сквозь них своим светом. Серове светлое чудо закрывало вечный туман, что расстилался огромным полем на небе. Кучи снежных тропинок, различных присыпанных снегом следов, что вели в лес, глубокий лес.

Застегивая пальто, Морис одновременно завязал шарф, хватаясь за мешок с вещами еще крепче. Его сердце вырывалось из груди. Как он волновался перед дорогой!

Его ждал трудный путь, нелегкий путь, поглащающий путь.

Главное не потерять в нем себя.

И свою историю.

И стали его поглощать ели, худощавые сосны, дубы великаны.

Все деревья напоминали ему эту историю.

Они ее шептали.

ГЛАВА 2

Лес.

Лес поглощал его своей елочной гущей, закрывая бесконечное пасмурное небо. Лишь молочный туман пробивался через вечность туч, которыми было заполнено все небо. Само небо лишь слегка проблескивало через сплетенные и голые ветви. Туман лился, подобно молоку, проникая в него самого.

Снег лишь иногда сыпал на его пути.

Он шел и шел в поисках ее.

Так ему было интересно, где она, кто она, жива ли она.

В хорошем расположении духа, тот был уверен, что найдет ее.

Огонь горел в душе.
Огонь горел в глазах.
Огонь мечты и жизни разгорался, растоплял снег и лед,
пробиваясь лишь к Морису.
Солнце светило ярким светом внутри.
Душа была его солнцем.
А ведь на улице медленно темнело.
Помимо света души, Луна выходила светить, разгоняя ночную
мглу.
Должен видеть свет народ, била Луна мглу.
Должно видеть свет будущее, била Луна мглу.
Должна она, и лишь она, наконец увидеть свет.
Он пробивал мглу душевным светом.
Он разводил, разводил огонь в глубине леса, показывая свет
души всему миру.
Ради собственного тепла и света.
Ради избавления от страданий.
И долго горел тот огонь.
Гореть и будет.
ГЛАВА 3

Тот не знал, сколько он шел и куда.
Спал на земле рядом с огнем, ел собранную с собой провизию и
горелый хворост.
Но он был счастлив.
Был счастлив, что найдет, скоро найдет ее.
Пусть пройдут еще дни, недели, месяца.
Пусть.
Зато пройдут.
Морис поднимался на очередной холм.
Валенки, подаренные Герром переплетчиком, были заполнены
снегом.
Холод пробивал ежедневно.
Хотелось ли ему в тепло, нормально поесть, поспать?
Нет.
Хотелось лишь найти ее.
Он лег на землю в куст, минутно отдыхая от физической боли.
И снова поднялся.
Даже если он будет при смерти, он продолжит ее искать.
Он будет ее искать, чтобы найти свое счастье.
И может даже свою любовь.
ГЛАВА 4

Зима.
Озеро.
Снег.

Она лежала в снегу около озера.
Единственное, что отделяло её от полного соединения с природой, так это платье, пояс и сумка.
Всего лишь платье, пояс и сумка.
Она не знала, сколько она так лежала, запустив голую ногу под лёд.
Пускай её обкусают рыбы, пускай её обсчитают идиоткой- какая теперь разница.
Да и кто посчитает уже.
Падающие на глаза волосы нервно мешали посмотреть на небо.
Луна.
Лишь луна слабо озаряла проходившую темноту, мешавшая свету продолжить господствовать на Земле. Темнота стала прогонять Солнце, нагло гнать его прочь с подчинённым им лучами и ослепительным светом, пыталась прогнать, прогнать свет; а Луна успокоила, Луна всё упорно светила даже сквозь тучи и облака, даже сквозь самые тёмные сумерки.
А она всё лежала.
И ни о чем не думала.
Может, где- то в душе и щемило одиночество.
Может, да ты пойди и разбери, что там где щемит.
Может ей надо разобраться с этим?
Может, да ты пойди и разбери, как.
Она без понятия.
Да и какая разница.
Может, ей надо встать.
Может, нет никакого смысла в том, что она тут лежит; может, она заболит и умрет; может, ей стоило бы задуматься над своим предназначением, над смыслом, над бессмертным.
Может,
Да ты пойди разбери.
Никаких томных мыслей в голове не было, лишь лёгкий сквозняк воспоминаний кружил где-то на душе.
Она лишь сверлила своими сапфировыми глазами небо, лениво шевеля большими ногами в воде.
Они, наверное, уже все замёрзли.
Да и какая уже разница.
Да и она давно уже поняла, что проще насладиться этим небом.
И забыть.
Чтобы забытое кружило лёгким сквозняком на душе...

ГЛАВА 5

Время.
Время шло бесконечно быстро.
Неделя, вторая, месяц...
Груз на душе становился тяжелее.

Как ему хотелось увидеть дом, родной дом!
Но нет.
Сначала он хотел посмотреть на незримое чудо.
На нее.
На счастье.
На любовь.
На вдохновение.
На моральные силы.
На идеи.
Он думал, думал о прекрасном лице, о счастливом лице, о
любовном лице, о вдохновленном лице.
И шел.
Чтобы найти.
Он будет искать и искать, даже если тоска по дому будет
тяжелеть.
Он будет тосковать.
Ежедневной грустью и скукой о родимом.
Как ему этого не хватало, как ему хотелось сесть и горько
заплакать, выкрикивая неразумное!
Но нет.
Он шел.
Он избавлялся от тоскливых мыслей, он мужественно шагал,
переписывая боль на бересту:
«Мне трудно согреться в холодную зиму.
Я тут один сижу нелюдимый,
И в поисках жизни в застывшем том мире
Ищу.
Искал тепло, чтоб согреть свою душу,
Чтобы греть свою тушу.
Но никому же не нужно
Быть одеялом моему сердцу.
И что же,
Мне невозможно согреться.
На поляне тихой.
И пусто глядя,
Я бы обнял кого-то любя,
Но никого нет.
Но я ведь искал.
Колени свои к душе я прижал,
Чтобы было тепло хотя б от себя.
Не греют ноги,
Все мерзнет душа.
И все же так тихо,
Так серо сидя,
Упала слез моих вода.
Что сразу застынет, замерзнет внутри.

Господи, ты на меня погляди...
Заметь и верни мне мою свободу,
Мою любовь,
Мои беспечные мысли,
Что в воздухе духом холодным зависли.
И вспомнятся скоро все мои мифы
С самим собой,
Но про тебя.
А может и с тобой.
Так я и не нашел покой...»
ГЛАВА 6

Груз души стал невозможно тяжел.
Он не мог.
Он не мог больше идти, не мог искать ее.
Но так хотел.
Он писал, писал о своей боли, о своем состоянии.
Он хотел лишь домой,
Лишь к родному.
Он хотел лишь найти ее.
Он хотел найти хотя бы кого-то.
Поговорить, получить родную ласку.
Но нет.
Ничего родного.
Лишь отвратительное, отвратительное одиночество; отвратительные,
отвратительные страдания; отвратительный, отвратительный
лес.
Как ему было плохо в этом лесу.
Верните, верните его домой!
Как ему надоели ёлки, не слушающие его; как ему надоел снег,
не слушающий его.
Как надело.
Надоело одиночество.
Надоело страдание.
Надоела тишина.
Где же ласковый голос?
Где же, где?
Он так искал.
Но не нашел.
Но может быть он найдет?
Надежда не умирает.
Надежда была с ним всегда.
ГЛАВА 7

Пурга.
Снег шёл и шёл, подгоняемый ветром на темнеющем небе.

Сумеречная мгла поглощала летающих белых мух.
Он больше не мог терпеть.
Он шёл, еле перебирая ногами, всё проваливаясь в снег.
Скука.
Чертова скука, чертова тоска, чертова печаль держались в нём,
сидели не выходя.
Кипели, буйствовали, мешали.
Когда же, когда он увидит родную коморку?
Родное перо, родную бумагу, родную свечу.
Родное тепло.
Родной дом.
Всё там ему было родное, всё ему там было любо.
Всё он хотел видеть сейчас.
Всё своё.
Родное.
Когда, когда он увидит?
Он не знал.
Когда, когда он будет дома?
Он не знал.
Когда же он уйдёт отсюда?
Он не знал.
Чёртова скука, чертова тоска, чертова печаль.
Всё поглощали и поглощали его.
Он уже не мог.
Он хотел,
Хотел увидеть родное, подогретое сердцем!
Неаккуратное, разбросанное, кривое, заляпанное.
Но родное.
Боль.
Боль скопилась на сердце, подобно тоске.
Боль скопилась.
Боль становилась сильнее и сильнее.
Боль колола.
Боль колола где-то в животе.
Тоска становилась сильнее и сильнее.
Тоска колола.
Тоска колола в сердце.
Пурга становилась сильнее и сильнее.
Пурга колола.
Пурга небрежно колола лицо, заставляя закрывать глаза.
Звезды стали пробуждаться, незримо проявляться вместе с
прозрачным пустым туманом, что вечно царствовал на густом
тёмном небосводе.
Он лёг.
Он лег, корчась от чертовой душевной боли.
А ведь кололо.

Кололо сильнее и сильнее, тосковал сильнее и сильнее, пурга
шла сильнее и сильнее.
И всё сильнее...
А он плакал.
Он плакал.
Он плакал от боли, от тоски, от пурги.
А становилось только сильнее.
Он сжал живот руками, он прижал колени.
Он не мог терпеть.
Он закричал.
Кричал от боли, от тоски, от пурги.
Как же чертовски скучно, чертовски тоскливо, чертовски
печально ему было и как же щемило, горькой болью щемило в
груди.
А становилось только сильнее.
Всё становилось сильнее него вокруг.
А как он слаб.
Корячится от боли.
Плачет от боли.
Кричит от боли.
Невозможно заболело в животе.
Он сжимал, сжимал от боли.
Невозможно заболело сердце.
Оно сжималось, сжималось от боли.
Невозможно заболела душа.
Она сжималась, сжималась от боли.
Он сжимался.
Он сам лишь слабо сжимался от боли.
Он слаб.
Он ничтожно слаб.
Он давно уже понял.
Он мог быть слабым.
Он разрешал себе.
Он не боялся.
Он смелый.
Он сильный.
Сильный в этом.
Но этого ему уже было не понять.
Хотя он давно уже понял.
Он лишь желал, желал родного.
Желал дома, желал уюта.
Он желал ласки.
Своей особой странной ласки.
Он слишком любил.
Слишком впечатался.
Слишком много.

Слишком сильно.
Всё сильнее и сильнее.
И плакал.
И кричал.
И так больно.
Тяжёлое, тяжёлое дыхание.
Горячий, горячий воздух.
Прожигало, прожигало дыхание.
Как боль.
Как слезы.
Как крик.
Отчаянный, душераздирающий, громкий крик.
Печальный, грозный, пугающий крик.
Отвратительный, больной, сдирающий крик:
"Боже!
Боже,
Коли ты правда есть на небе,
Дай мне, Боже, человека,
Дай мне, Боже, впечатления,
Дай мне любви, Боже!
Да избави, Господь, избави!
Избави,
От боли,
От тоски,
От печали.
Дай, Боже, дом,
Милый сердцу дом!"

ГЛАВА 8

Крик.

Громкий и невыносимый крик прогремел под ее деревьями, полями и горами, елями и соснами.
Отчаянный, невыносимый крик освятил ее.
Дал надежду.
Дал свет душе.
Хрипой, невыносимый крик помогал ей.
Дал надежду.
Дал свет душе.
Громкий, шумный крик; слабый, больной крик; изнемогающий, ужасный крик.
Делал ей все лучше и лучше.
Давал надежду.
Давал свет душе.
Уродливое, ужасное, страшное делало ее счастливой.
Может, правда кто-то есть?
Может, тут правда есть люди?

Может, все было не зря?
Мольбы, страх, ожидание, одиночество, отчаяние.
Все.
Все привело к цели.
Наконец-то.
Она дождалась.
На радостях, на тепле души, она помчалась.
Помчалась к крику, помчалась к ужасному, помчалась к боли.
Совсем забыв о своей.
Помчалась так быстро, сколько не мчалась давно.
Наконец-то, наконец радость!
Наконец-то, наконец мечта!
Огромная, огромная мечта!
Наконец-то, наконец сбылась!
Через боль,
Через снег,
Через острый воздух.
Нашла.
Нашла мечту.
Нашла счастье.
Нашла человека.
Скрюченного, замерзшего, больного человека.
Плачущего, кричащего, бедного человека.
Скромного, отвратительного, странного человека.
Она расплакалась.
Расплакалась ему в грудь.
Как она была счастлива.
Как она его отвержено ждала.
Как она его схватила, и плача, понесла в свою пещеру.
И как хорошо ей было

Часть 3

ГЛАВА 1

Метель.

Метель все продолжала заметать, завывать, захлестывать; все шла и шла, заметая горечь на ее сердце.

Метель принесла ей счастье, принесла ей мечту, принесла е желанное.

Худощавый, худощавый бедный человек.

Но все же она его нашла.

Нашла человека.

Радостно прошагивая через пургу, держа его руки на теле, искала то место, где они бы могли переждать непогоду.

Она бежала, бежала от чертовой радости, черного счастья, чертовой любви.

Любви к этому больному, страшному, угрюмому, неказистому существу.

Воодушевленно волоча его за собой, она и не заметила, как тот упал с нежного плеча.

Где он?

Пришлось усмирять свое воодушевление, пришлось усмирять свою бесконечную радость.

Она не успела.

Ее сразу дернули за плечо:

-Кто вы?

Она обернулась на голос только что вставшего:

-...Ты пьян?

Морис встал в ступор, но ответ нашел:

-Совсем чуть-чуть, не беспокойтесь..

Та скептически посмотрела на незнакомца, продолжая идти.

А тот продолжил интересоваться девушкой, возникшей из пурги:

-Вы очень кого-то мне напоминаете.... А я не могу разобрать, кого....

Он долго думал над ее внешностью.

Легкие длинные белые волосы, синие-синие глаза, словно сапфир; сумка на поясе и лук со стрелами за спиной.

Морис еле поспевал за девушкой:

-Не изволите-с назвать свое имя?

Не останавливаясь в нервирующем молчании, та прервала его резким:

-Габриэлла. Для тебя Гарбиэль.

Девушка промолчала и тот, глубоко вздохнув, попытался продолжить с ней разговор. Задавал много вопросов, шутил, говорил складно и понятно, когда Габри сама не понимала, что говорила. С письмом и речью у нее было плохо. Беседа ее увлекла и голос у Мориса был приятный, мягкий.

Она уже забыла, куда шла, ноги сами вели ее, а она была отдана лишь беседе, приятной беседе в пургу. Так скрасила дни, заманила душу эта беседа!

Как она чувствовала избавление от вечного груза, от вечного комка, от тяжести тоски.

От груза одиночества.

От комка одиночества.

От тоскливой тяжести одиночества.

Избавилась.

Справилась.

Нашлось счастливое чудо в медленной беседе.

Казалось, тот больной, страшный, ужасный, бедный, неказистый юноша так аккуратно завел ее в разговор, не смеялся над ее

чуждаковой речью и акцентом и даже рассказывал ей стихи.
О ней стихи.
Травил анекдоты, рассказывал истории, что она сама стала делиться событиями из жизни.
Камень спал с души.
Вернулась радость.
Пурга не собиралась кончаться, лишь становилась немного спокойнее.
Снег уже медленно летал в воздухе, ветер уходил, нежные снежинки огибали все воздушные преграды: гордых снегирей или аккуратных синиц; а потом ложились на холодную после пурги землю.
Рядом с шедшей незнакомкой Морис так мерз, как он мерз; однако, в снежный буран он не успел разглядеть все обличие девушки; а как ветер успокоился, как снег успокоился, то сразу заговорил:
-Чего ты вся голая такая. Негоже! Ну-ка, прибери мои валенки,- тот снимал со своих ног отданую местным редактором обувь,- Простудишься-с ведь.
Снимая свое пальто, тот ласково укутал в него девушку с просьбой вернуть его позже.
Габриэль приняла одежду, бормоча:
-Не стоит... Не надо... Не нужно...
Морис продолжать кутать девушку, не обращая внимания на тихие негодования, что он сам остался лишь в рубашке, шарфе да старыми-старыми штанами. Ежась от холода, тот продолжал беседу с Габри, пока ноги не завели ее в душную пещеру.
Засохшие цветы, горелые ветви, еле уловимое тепло, запах крови и пряностей говорили о том, что девушка уже была тут.
А ей даже и лучше так.
Небольшое душное тепло и просторное, но небольшое, каменное пространство.
Потянувшись, Морис без просьб и слов молча собирал хворост.
Пурга закончилась.
Снег лишь лежал на холодной земле, пока тучное небо закрывали приходящие сумерки, что становились тьмой.
Морис собирал хворост, глядя на темнеющее небо. Луна уже появилась, уже избавлялась от приходящей тьмы. Луна избавлялась, светила и светила, чтобы тьма не проникала хотя бы ночью; бешено помогало Солнцу, светило не переставая.
Морис радостно думал, счастливо думал, вдохновенно думал о девушке. Так она ему понравилась, так она его спасла. Такие у нее были истории и несчастный лик.
Запомнившейся лик девушки из легенды.
Он нес хворост назад уже в кромешной тьме, лишь Луна и следы ему помогали.

Хворост снова в пещере, попытки развести огонь прервались помощью Габриэль. Разведя огонь, она стала подогревать воду, когда огонь уже разгорелся.

-Ты чай-то пьешь? -спрашивала она у юноши с неуверенностью и подсаживалась поближе к огню, подобно ему.

Все-таки, девушку согреть хотелось, а сам Морис промерз. Отогревается, лежа на спине около костра на согревшемся камне:

-Что дашь, хозяйюшка, - тот закатал рукава, дабы согреть себя всего, - Да изволь - тебе я предлагаю лишь помощь.

Тепло от костра и запахи различных чаевых пряностей размаривали его, клонили в сон. Но ему так хотелось еще посмотреть на нее, еще поговорить, еще посочувствовать.

Подогретая в выструганных стаканах вода с засушенными ромашками приятно пахла, отдаваясь пряным ароматом на все их небольшое пространство. Габри лишь глядела на размороженного, теплого и красного юношу. Морис лежал рядом с огнем, глаза его медленно закрывались....

Девушка уже хотела тушить костер, когда услышала голос:

-А... А знаешь старую-старую легенду с севера страны?

-Ась?- Та посчитала, что ей лишь показалось, и стала стряпать какой-либо обед.

Юноша глубоко вздохнул, сел, положив руки на колени, и зевнув, начал свой рассказ. Он жестикулировал, рассказывал с интонацией все-все-все сюжетные повороты, когда девушка его перебила холодным, безэмоциональным:

-Так это я, - она фыркнула, помешивая выходящий супец, - Ишь чего устроили, легенду сочинили...

Она была в небольшом шоке после услышанного:

-Прям про меня и легенду, такую старую, говоришь...- девушка совершенно была сбита с толку, как и Морис.

Тот как с цепи сорвался, сдергивая с шокированной Габри рукав:
-Как знал, ой как знал!- тот произносил влюбленно,- То самое родимое пятно, всеми забытое! Тот самый шрам от...

-Прекратить,- девушка задернула рукав назад,- Ты сам-то откуда будешь?

-Это норвежские земли,- Морис зевнул, расстилая свое пальто и уже готовясь устроиться,- Я родом из деревня Бейарн, но съехал в Буде.

Люди.

Там появились люди!

Морис лишь устроился удобнее в своей импровизированной кровати:

-И зовут тебя-с там Лесным Духом...- он свернулся калачиком и

уснул.
ГЛАВА 2

Ночь.

В эту прекрасную темную, холодную ночь даже Луна не светила. Свет устал пробиваться через все бесконечье тьмы и мглы. Луну не было видно в тумане, а она и не светила.

С обидой, туман стал спадать с небес. Воздух становился чистым и холодным, дышать им было трудно, в носу сразу начинало жечь.

Морис сидел на улице рядом с пещеркой и смотрел в ожидании света. Сидел один и стругал из дерева ведро- хотел порадовать Габри. Ведь у нее ведра не было, а с приходом весны он ей и из глины вылепит. Уже думал о том, что вылепит ей большое и красивое ведро, украсит его слепленными цветочками и разными цветами распишет. Габриэль не умела ни лепить из глины, ни красиво расписывать, зато сейчас она варила что-то очень вкусное в пещерке. Наверное, супчик. Морис любил ее еду, так восхищен был умением и чудесными запахами, как восхитителен был вкус различных сухих грибов.

Мясо Габриэль привыкла сразу жарить и мясных супов особо не делала. Охотилась она отменно, когда Морис и оружие в руки брать боялся.

Но еще лучше охоты у Габри получалось рыбачить, поэтому из рыбы, она, конечно, делала супы.

Морис оплачивал ей должным трудом, еще и стихи ей писал; а кусок ткани, взятый с собой, повесил ко скромному входу в пещеру и вышла шторка.

Теперь же он сидел, в благодарность стругал ведро, счастливо думая о своей новой знакомой.

Как ему нравилось видеть ее радостное лицо!

Сразу в голове всплывал ее счастливый лик: улыбка у нее была скромная, лишь уголки губ слегка приподняты; глаза, не показывая смущения, смотрели в пол; носик немного подергивался. В радостные моменты она смотрела на него не вопиюще, не устало, как обычно; а беззаботно, как маленькая девочка.

Те грезы о белокуром лике уводили его в глубокие мечты и планы.

Ножичек проходил по пальцам, разрубая их до крови, но так было все равно. Он лишь думал сияющих от радости глазах, сияющей коже, о сиянии лица и кистей рук.

Как ему хотелось увидеть это сияние!

Как он любил смотреть на радостные зрачки и незримую улыбку. Душа у Габри улыбалась и радовалась, а на лице- ничего.

А ему и все равно.

Глаза говорят за себя, глаза зеркалят душу.

Он отвлекся, глядя на выструганное ведро и окровавленные пальцы и поднимая голову вверх.

Сияние!

Ее сияние!

Северное, северное сияние!

Завораживало его как обычно, сияние в ее глазах.

И у него теперь в сияющей душе была улыбка.

Тот в радостном шоке встал, словно столб, не зная, как и справляться с такой красотой.

Он стал звать ее:

-Габри!!! Габри-Габри-Габри-Габри!!! Подойди же скорее, пройди!

Он кричал изо всех сил, звал ее в бесконечной надежде, что она придет.

Она пришла, отозвавшись на крик. Рыбный суп постоит и без нее.

Конечно, она пришла, не обращая внимание ни на ведро, ни на окровавленные пальцы, лишь на сияние.

Разноцветные сияющие полосы становились друг с другом, освещая все вокруг, освещая не видящий света норвежский народ.

-Это все твои глаза, - довольный и радостный Морис улыбался во весь рот, воодушевленно и вдохновенно приговаривая, - Радостные!

Он сел на землю к своему ведру, повторяя:

-Это твои радостные глаза.

ГЛАВА 3

Спокойное февральское утро.

Тишина царила вокруг.

Они лишь лежали в снегу около озера.

Стоял густой туман, закрывающий вид к замерзшему озеру с рыбой, тучи снова закрывали никогда не светящее Солнце. А оно все пробивалось, пробивалось через тучи и туман, пробивалось подчиненными лучами и рядом светящим ленивым светом.

А туман все перекрывал, перекрывал каждую попытку Солнца пробиться.

Не увидит народ Солнца, не услышит его попытки.

А они лишь вжались друг в друга, растапливая своими теплыми чувствами снег и сердца друг друга. Как же им было хорошо.

Но так странно.

Они думали лишь о том, как нуждаются друг в друге.

И ни о чем больше не думали.

Тепло друг друга размаривало, нужда в человеке поглощала,

нужда в родной мечте погашена.
Мечта реализована.
О чем еще думать?
Да можно ни о чем уже не думать, раз так хорошо.
Так они стали родными друг другу за такой короткий срок, что казалось, больше они не могли друг без друга.
А Морис смотрел только вверх.
Смотрел вверх, ожидая света; не понимая, что свет уже рядом с ним.
Габри смотрела только вверх.
Смотрела вверх, ожидая света; точно понимая, что свет уже рядом с ней.
Ее свет лежал рядом и думал, где же Солнце, то наконец-то осветит всех.
И она не могла понять, как такой поэтичный, мудрый человек не понимает, что освещает их, греет их.
Свет его неугомонной души.
Грел теплее огня, светил ярче Солнца, любил сильнее родной матери.
Лишь душевное тепло Мориса грело ее, заставляло жить.
А ему не хватало тепла.
Он искал, искал его на небе. Он наблюдал за лучами, что пытались пробиться. Он не мог понять, как такое поэтичное мудрое Солнце не может пробиться через тучи. Через какие-то тучи, заполонившие весь небосвод. На небе был целый потолок из туч.
Он не нашел Солнце.
Но свет видел лишь в Габри, что держала его.
Вечный, вечный свет ее души, что живет лишь благодаря его теплу.
Тот все рыскал и рыскал взглядом Солнце, и не найдя, спросил:
-Тебе никогда не хотелось увидеть Солнце?
-Солнце? Ну может и хотелось.
-Его совсем не видно за тучами! Я хочу когда-нибудь увидеть Солнце.
Она задумалась, глядя наверх. Солнца, конечно, не было, но ведь у нее было и свое Солнце:
-Морис, ты ярче солнца....
ГЛАВА 4

Ночь.

Луна стала пробивать мглу, освещая землю. Звезды высыпались по небу, подобно пыли. Свет пробивался и пробивался через мглу. Снег слегка посыпал землю, освещаемый Луной.
А они сидели, сидели рядом со своей пещеркой и глядели наверх. На бесконечную мглу, на свет, что пробивался; на снег,

на едва заметные вершушки гор.

А Габриэль смотрела лишь на него, замороженного. На очаровательные отвратно худые черты, на пугающие костлявые руки, на пушистые волосы и наивные серые глаза, горящие огоньками. Глаза, похожие на лунный свет в тумане, на падающий снег, на звездную россыпь. И не на бесконечную мглу, не на снег, не на свет смотрела она.

Лишь на него.

Лишь в нем она видела прекрасную заснеженную землю и лунное небо.

Она вновь посмотрела на костлявые ручки. Как ее восхищали эти ужасные костлявые ручки.

Габри, поражаясь худобе и сочтя это за болезнь, в недоумении, как она может помочь, лишь достала яблоко из большой поясной сумки и сказала:

-Груша.

Морис посмотрел на нее, на нее желанную, поправляя:

-Яблочко это, яблочко.

Но фрукт из ее рук принял:

-Прошу твоего прощения, но с речью у тебя плохо, бедная душа моя. Писать хоть умеешь?

-Показать могу,- ответ последовал незамедлительно и как обычно, холодно, резко брошено.

В огромной поясной сумке лежала небольшая деревянная книжка, завязанная на шнур от платья. Кусочки какой-то бумаги и кора деревьев вываливалась оттуда вместе с исписанными угольками. Неаккуратные, дергающиеся буквы виднелись в начале, ни слова не разобрать. А под конец буквы стали разборчивее. Предложения были написаны самые обычные: «Я пью воду сейчас», «Меня зовут Габриэль», «Я ем рыбу», «Я вижу зайца». Особо на эту книжку у девушки не было времени, но она очень старалась не забывать язык. Буквы путались, слова в предложениях тоже, но было так приятно читать ее, даже редкие и примитивные, небольшие заметки.

Мориса умиляли неровные буквы, пытающихся встать в слово, неуверенно написанные предложения. Тот взял графит, порванный и смятый листик бумаги из кармана и записал слова и буквы, которые Габриэль чаще всего путает: о-а, и-е, е-ё, ё-о, груша-яблоко, кошка-собака, бык-корова, река-озеро....

Каллиграфически выводя каждую букву, тот вручил лист Габри: -Держи, - он, свойственно себе, улыбнулся и стал объяснять, как отличать слова и звуки, как их писать, какие-то словесные обороты и много всего интересного.

А ночь все текла, а снег все сыпался...

ГЛАВА 5

Тучи.

Тучи снова мешали солнцу пробиться, мешали освещать землю, чтобы она цвела. Туман снова мешал солнцу пробиться, мешал освещать землю, чтобы она цвела. Мелкий дождь снова мешал солнцу пробиться, мешал освещать землю, чтобы она цвела. Туман снова мешал солнцу пробиться, освещать землю, чтобы она цвела. Легкий дождь снова мешал солнцу пробиться, освещать землю, чтобы она цвела.

Дождь слегка моросил по снегу вместе с градом, а они, голодные, шли в поисках реки по темному и замерзшему лесу, а он их все поглощал и поглощал в свои недры, в самую темную глубь.

Габри знала много дорог в этом бесконечном лесу среди елок-великанов и безмятежных худых березок, молодых женственных сосенок и маленьких кустов, яркой терпкой рябины для чая и непробиваемыми дубами самых разных видов, что так слабели и худели от холодной зимы.

Она знала, куда идти, что вскоре они пришли к заснеженному берегу, за которым виднелся другой, точно такой же берег с туманом и лесом, а между ними растекалась широкая замерзшая река.

А им нужна была еда, нужна была рыба. Конечно, каждый из них бы сейчас был не против отведать какой-нибудь рыбки. Но перед тем, как съесть рыбу, ее нужно поймать.

А это дело непростое.

-Тут много рыбы, - она села на берег, выдыхая. Шли они так быстро, что Морис, лежа на снегу, раскинув руки и громко тяжело дыша, даже прикрывая глаза, спросил:

-Нужна какая-то... Уловка-с. Нет, нет! Наживка нужна, - он глубоко выдохнул, вставая к сидящей Габри, чей взгляд был полон непонимания и растерянности. С собой у них было лишь выструганное им ведро с еле заметными отпечатками окровавленных пальцев. Ни удочек, ни наживки у них не было, хотя Габриэль тихо вторила:

-Да брось ты свое это....

Тот лишь с небольшим смехом и удивлением наблюдал за тем, как девушка, ломая лед ногами и руками, искала рыбу в воде. Ее платье промокло насквозь, как и волосы; руки пахли рыбой, за которой она регулярно гналась и ловила, а после отдавала живых рыб юноше. Тот лишь аккуратно лишал рыб головы и кидал в ведро. Конечно, Габриэль падала и в лед, и в воду; но работали они так быстро и слаженно, что набрали почти полведра рыбы. И так тот поражался ее красоте и силе, так он был вдохновлен ей. Смотря на мокрое чудо, тот позвал ее:

-Подойди-ка! - забирая рыбу, Морис вежливо попросил ее ленту из увесистой сумки, после чего неумело подвязал ей волосы, -

Простудишься ведь...

Заботливых фраз и жестов Габри не заметила, продолжая свое дело. Так они ловили до самого заката, когда девушка взглянула на тяжелое, почти заполненное ведро и заходящее солнце:

-Пора домой, - холодно сказала она, забирая у юноши тяжелое ведро, - До темноты.

Закат плыл по небу пылающими темно-розовыми цветами, перетекая в темно-фиалковый и васильковый на небесной верхушке. Луна уже была на своем посту, хотя свет еще не ушел. А Луна, полная Луна, уже стояла, освещая и охраняя небо, чтобы свет не пропал. А когда они вернулись, тьма уже снова воцарилась на пустынном бездонном небе, лишь полная Луна разгоняла ее.

А они сидели и жарили рыбу, закутавшись в медвежьи шкуры. У них было много рыбы, и все жарили и жарили они эту рыбу, что когда изжарили половину, то отложили себе на ужин, а вторую половину закутали в противные на запах ткани и положили в ведро, выставляя на улицу. Пахла ткань очень неприятно, но все еще травами, чтобы никто эту рыбу не съел. А сами они наелись от пуза, глядя друг на друга с такой благодарностью и счастьем.

Морис лишь лежал на мягких и теплых коленях Габри, счастливо разглядывая ее лицо. А сама она ела и ела, что не было понятно, как в нее столько вмещается. Но какая же она была голодная.

А он уснул, уснул вдохновенный, тихо радостный и счастливый, даже с небольшой улыбкой на лице. И пребывал он в такой настоящей спокойной радости долго, что от нее же и уснул.

ГЛАВА 6

Тишина.

Немая тишина стояла в том лесу, в котором они шли. Ни одна птица не пела, ни один зверь не рычал, даже они не разговаривали, лишь шуршали снегом под ногами. Солнце снова пыталось пробиться к зеленеющим в воздухе елям.

Тумана сегодня не было.

Солнце его прогнало.

Но тучи мешали светилу, мешали радовать народ.

Да и не был народ печален – труд радовал народ.

И в лес, хоть к чему-то, хоть к какому-то труду они и шли. Шли с мешком и ведром, с луком и стрелами – будут охотиться.

Морис волновался. В своей жизни он еще не успел поохотиться. Но было ему так интересно, так волнительно. Но и Габри тот вопросами не донимал- боялся рушить бесценную тишину.

А девушка много охотилась и получалось это у нее отлично.

Сейчас ей лишь хотелось поесть мяса; о, как давно она не ела мяса! И она совсем не понимала, зачем Морис пошел с ней; боялась, что тот будет ей мешаться. Но он лишь отмахивался интересом своего неугомонного сознания. И был он тише воды, ниже травы.

Они остановились передохнуть после вечного перебирания ногами в поисках жертвы, где юноша и попросил так тихо, несвойственно себе:

-Научи меня стрелять, пожалуйста...

Та хлопнула по лбу нетерпеливого парня, однако невольно протянула ему лук:

-Держи.

Та обходила его тело и руки так, что вскоре он сам встал в правильную позицию. В другой руке стрела, нить натянута; Габриэль уже думала, что все в норме, поэтому тотчас и сказала:

-Стреляй.

Закрыв глаза, тот выпустил стрелу из пальцев. Стрела лишь упала в снег.

-Эх, ты...- та забрала лук и достала стрелу из снега, - Идем.

Тот вздохнул с небольшой обидой и пошел за ней.

Шли они долго, даже закат стал виден сквозь тучи. Габри привыкла так долго ходить, она лишь искала жертву. Прислушиваясь к шороху, присматриваясь к следам, та была насторожена. А Морис устал. Его ноги пульсировали ноющей болью, хотелось лишь упасть в снег и уснуть.

Однако вскоре тот заметил спрятавшегося в кустах зайца, что тыкнув в Габриэль в ожидании ее вердикта, та лишь кивнула:

-Сойдет.

Пригнувшись и прицелившись, девушка сверлила взглядом бедного зайца. Та разглядывала зверя полностью, когда сам зверь добрался до какой-то веточки рядом. Морис умилился ему, зайчик казался ему милым.

Выстрел.

Милейшее животное лежало на красном снегу с окровавленной шеей.

Тот молчал.

Мгновением назад зверь с интересом разглядывал веточку, дышал полной грудью, в надежде на сытный ужин.

А сейчас он лежал в своей же кровавой шерсти.

Но был съедобен.

Юноше становилось лишь тревожнее от невинной смерти.

Они вернулись в пещеру поздней ночью. Однако, девушка была голодна и довольна собой. Мясо было пожарено.

-Будешь? - та с безграничным удовольствием поела кролика и была счастлива. Ах, как же бывает блаженна животная плоть

человеку. Тот лишь грустно вздыхал, глядя на это. Есть совсем не хотелось.

Тревожная животная душа, с опаской надеясь на безопасность, желала жизни.

А они лишили ее этой жизни.

Вот такая эта охота.

ГЛАВА 7

Туман снова встал над водой и землёй, над тёплой пещеркой и под заполонивших небо тучами. Сегодня был лёгкий туман, не густой, не молочный. Легчайший, что даже всю улицу было видно, как на ладони.

А он сидел рядом с пещеркой и писал. Писал стихи, глядя на вдохновляющую его даль.

Писал про неё.

Она знала, что тот пишет про неё.

Он ведь регулярно зачитывал ей стихи тёплыми вечерами под её восхищение.

И сейчас, Габриэль восхищалась и восхищалась им. И не плавными движениями рук, не очаровательными чертами лица, не уродливыми выпирающими костяшками.

Этим она уже восхищалась.

Теперь она восхищается его регулярной, его большой любовью и лаской. Как он умел ласкать, подбадривать, говорить тёплые слова, и мягко-мягко, долго-долго обнимать в моменты одинокой печали. И после таких объятий и слов все проходило.

Все проходило на душе.

И проникалась она к нему такой любовью, что свет ещё не видывал, как сильна её любовь и как крепка.

Ей лишь хотелось отдавать накопленную любовь, отдавать так много и ещё больше...

И плавным движениям рук, и очаровательным чертам лица, и уродливыми выпирающими костяшками- всему хотелось отдавать любовь.

Но она не знала как.

Сейчас решила попробовать лишь позаботиться:

- Возвращайся, холодно.

Морис быстро прибежал к пещерке, правда замёрзший.

А она обняла его.

Чтобы наконец-то согреть.

ГЛАВА 8

Солнце.

В этот день Солнце окончательно пробилось, подчиняя себе лучи. Тучи расходились, замечая всю уверенность Солнца. Даже ленивый свет сильно слепил глаза, а потом скрывался

призраком в голых ветвях деревьях.
Мориса радовало Солнце. Каждый лучик, каждое проведенное под Солнцем мгновение вдохновляло его.
Солнце светило ярко.
Его душа светила еще ярче.
Потихоньку выходя из лесной местности, юноша заметил остатки солнечных лучей- цветы.
Небольшая заснеженная полянка расстилалась далеко-далеко, до самих гор.
Цветы на ней были самые разные: подснежники и первые ландыши, крохотные ромашки и ростки маков. Их приятные и ароматные макушки тянулись через снег, холодный снег, к Солнцу.
Габри не смотрела на цветы. У нее, бесспорно, были любимые цветы.
Но сейчас она смотрела только вперед- поскорее хотелось вернуться назад, в пещерку и продолжить готовить обед. Эта лесная прогулка была незапланированной, хотя ее светлая душа уже весело и вприпрыжку собирала цветы на лужайке.
Ну настоящее чудо!
Столько цветов проростало через сугробы. И как же так вышло? Да ты поди разбери. Такое вот волшебство.
А она совсем и не замечала, продолжая возвращаться к пещерке. Она лишь думала.
Думала о нем, как о самом светлом существе; как о своей душе, как о прекрасном огоньке.
Как о свете.
Как о Солнце.
Он был ее Солнцем.
А она была ему пургой.
В раздумьях, она могла пройти еще тысячи миль, пока кто-то снова не схватил ее за плечо:
-Габри!!! - юноша вежливо наклонился, протягивая скромный букетик цветов, - Прошу принять.
От белесых ландышей шел чудесный аромат, подснежники манили своей красотой, маленькие ромашки были едва различимы в этой красоте.
Приняв букет и обрадовавшись, она продолжила путь.
В свою пещеру.
ГЛАВА 9

Этим днем снова разразилась ужасная буря.
Солнце боязливо пряталось за тучами, опасаясь пурги. И туман мешал Солнцу, и пурга мешала Солнцу и закрывающие его тучи. Солнце устало закатилось за облака, оставляя все на волю пурги. А пурга все заметала и заметала, а от нее все прятались

и прятались. Прятались в пещерке. Лишь Габриэль вернулась домой с хворостом и рыбой.

Рыба была еще живая, поэтому Морис занялся ею, пока замерзшая девушка разводила костер. Вскоре и рыба жарилась, и Габри согрелась, следя за обедом. А юноша лишь разглядывал ее и свои старые рисунки – мысли о ней.

И хотелось ему лишь обрадовать девушку. Хотелось сделать что-то простое, но очень приятное. Ведь только так он мог проявить свою любовь. Доверившись задумке перешить старое платье, тот попросил:

-Сними свое платье, - тот выглядел уверенно, укрывая девушку своим пальто, - Я все сделаю.

Та с трудом доверила ему важную для себя вещь, но в пальто укуталась, пока юноша быстро-быстро чиркал на бумаге разные платья, спрашивая Габри, как ей больше нравится.

И стал перешивать ее ткань. Весь день и вечер тот переделывал несчастную простыню в понравившееся платье: с широкими рукавами, что становились уже на конце; с воротником, поимевшим форму двух треугольников, посередине которого должна виднеться ленточка; с юбкой, развевающимся по колено и с национальным узором на синем поясе.

А она наблюдала на восхищенного и вдохновленного юношу.

А ведь получалось.

Сколько любви и ласки чувствовалось в его движениях, сколько любви и ласки виднелось в его глазах, сколько любви и ласки было видно на его лице. Как она была тронута такой заботой, чуть ли не роняя слезу.

А Морис лишь увлеченно вышивал узор на пояске. Ни минуты он не тратил впустую – лишь шил.

Сладко зевнув, тот вернул платье девушке, пришивая ручку к тяжелой сумке:

-Тяжеловато на поясе... - юноша накинул на нее сумку.

-Мне... Нравится, - та не могла передать словами всю свою благодарность. Подбирать нужное слово у нее выходило с трудом, поэтому та произнесла лишь простое человеческое, - Спасибо.

А юноша валился с ног, отужинав рыбой и получив холодный поцелуй в щеку, тот сразу лег спать, пока Габри любовно разглядывала платье на себе.

Такая любовь, наконец-то она ее получила.

И была рада.

ГЛАВА 10

Боль.

Чертова боль перестала драть душу, перестала мучать душу,

перестала жить в душе.
Боль перебралась.
Боль кочует.
Боль перебралась в легкие, в горло, в уши.
Боль драла органы, разметывала их кусочки; боль поселилась в легких, боль мучала и мучала его.
Он пытался выкашлять всю боль.
Боль не выходила через кашель.
Боль оставалась, боль продолжала мучать и драть.
Тот потирал больные места, сжимался, откашливался, болезненно откашливался.
Как же ему было больно, как он задыхался.
Задыхался до тех пор, пока боль не переходила в живот.
Не хватало воздуха.
Нечем дышать.
Он никак не мог заглушить эту острую боль.
Он продолжал ей помогать, продолжал облагораживать жилье.
И все терпел, терпел эту боль.
А она все становилась сильнее.
Снова становилась сильнее.
Так он терпел эту невыносимую боль. Все терпел и терпел, что когда закончил помогать, когда лунный свет стал освещать землю, подобно звездам; а костер освещал лишь их пещерку, тот изнеможенно упал на ее колени. Как же болело, как болело...
Красный и потный, тяжело дышащий и задыхающейся от кашля и холодного воздуха; он еле прикрыл глаза, смутно понимая реальность и тихо, незаметно плача, пытаюсь прогнать свою боль слезами; но лишь нежные руки, тепло чужого тела, очередной горячий рябиновый чай, старое теплое пальто гнали боль прочь.
Лишь любовь, ласка и забота гнали боль прочь.
Лишь свет ее души гнал боль прочь.
Он заснул.
Еле заснул с надеждой, что уже завтра ему будет лучше.

ГЛАВА 11

Сон.
Болезненный сон поглощал его.
Нервный сон.
Трудно спать.
Можно уснуть.
Лечащий сон.
Полезно спать.
Можно уснуть.
В ласке и спокойствии, тот закрывал глаза, пытаюсь отдаться сну. А его счастье, его сердце сидела рядом, подогревая его

грудь своим теплом.
Он уснул.
Тревожно уснул, прижимая к себе девушку.
Где-то закипала вода для целебного чая.
Он не помнил.
Он крепко болезненно уснул.
И ничего ему не снилось.
Он хотел лишь поскорее вылечиться и помочь своему сердцу.
Он не мог, он мучался от чертовой боли в легких.
Он не хотел.
Он терпел.
Терпел всю боль.
Как и она.
Его сердце.
Боль скапливалась.
Одиночество скапливалось.
Она не могла, она мучалась от чертовой боли в душе.
Как же щемило, как болело, как пульсировало.
От страха, от страха вечного одиночества.
От страха потерять все общение, любовь, ласку.
Страх сковывал, страх заставлял кричать.
Он проснулся от крика, от горестного крика. Дергающаяся рука
лежала на ее голове:
-Почему, почему тебе одиноко? Я рядом. Я все еще буду болтать
с тобой и ласкать тебя. Не волнуйся. Засыпай...
ГЛАВА 12

Солнце снова скрывалось в беспроглядной мгле, в бесконечных
попытках пробиться. Но светить уже не было сил; не было сил
пробиваться сквозь тучи и вечный туман. А туман все стоял,
молочно-белый туман все стоял на земле. Серые тучи заволокли
небо, стоя потолком над землей.
А они все сидели в теплой пещерке и ждали выздоровления
друг друга. У кого-то не спадал кашель, а у кого-то груз с души.
Морис долго не мог подняться на ноги. Так ему было больно,
так его раздирало.
Как и ей.
Как у нее болела душа. Так ей было больно смотреть на него, так
раздирало душу на кусочки. Он лишь ее успокаивал, говорил,
что совсем-совсем скоро все будет хорошо.
А ему было так больно.
Но уже через неделю его состояние улучшилось, что он уже
сидел, закутанный в собственное пальто, и пил рябиновый чай.
Но не чай его лечил.
А любовь.

Забота, любовь и ласка прогоняли всю боль, гнали ее прочь.
И так ему становилось лучше.
Так ему хотелось получить эту ласку чтобы наконец-то выздороветь.
И он получал.
В рябиновом чае, в поглаживаниях по голове, в ласковых словах, в объятьях на ночь. Это его лечило.
И почти вылечило.
А она, в сладкой тоске, все нервничала.
И так ее поглощала эта сладкая тоска, что при виде выздоравливающего юноши, тоска становилась тревожной радостью. И нервничала она, волновалась за него, переживала. Тревоги и боль разделяли ее душу на кусочки.
Но пройдя через нервную, тревожную, слащавую грусть, она расцветала.
Расцветала маками и камышами, подснежниками и одуванчиками, лютиками и ландышами.
И так хорошо становилось на душе.
Такая нежная, спокойная, размеренная радость.
И лечила она Мориса, лечила своей любовью, что этой ночью и он стал смаковать эту нежную, спокойную, размеренную радость.
И становилось ему лучше и лучше. И расцветал он, подобно ее душе.
А этой ночью так расцвел, что поднялся и стал греть замороженное в ледышку вино из своей фляги, которое тот взял с собой. Сидел и грел, свято веря в его целебные свойства, чем и разбудил Габриэль:
-Что такое...? – она сонно потирала глаза, пытаясь разглядеть картину.
Ответ поступил незамедлительно:
-Будешь? – и перед ней уже оказалась деревянная чашечка с вином. Морис лишь укоризненно смотрел на девушку.
Та промолчала. А когда распробовала напиток, сделал небольшой глоток, то ответила:
-Да этим соком напиться как...
Морис умел пить, он мог долго держать себя в руках. Но в этот раз он собирался выпить лишь пару стаканов для скорейшего выздоровления, поэтому он уже подливал в уже опустошенные чашечки немного вина. А она молчала. Слышно было лишь треск огня. Ей нравилось это вино, старое, даже забытое...
Через несколько минут, сидя в тишине, она не выдержала и налила себе сама еще чашечку под все те же укоризненные взгляды Мориса. Так она сделала еще раз и еще...
Тот не выдержал и попросил, ухмыляясь:
-Мне-то хоть налей, хозяйюшка.
Трясущейся рукой, та практически долила ему содержимое всей

фляги.

-Только аккуратнее, - тот сохранял спокойствие, хотя видел, что девушка уже пьяна.

-Да я сама вся из себя... Такая, - Габри было трудно сказать и запомнить это слово, так как ее словарный запас был небольшой. Фляга уже пуста, парень поднимает стакан и без тоста делает глоток. Внезапно, Габриэль встала, хватая его за руки, и сверля взглядом, произнесла:

-Давай плясать.

Тот и сказать ничего не успел, как они просто стали бессмысленно качаться, держась за руки. Чувствовала она себя так беззаботно, так по-детски, что даже несвойственно себе улыбалась. Движения становились быстрее, а смех громче и ярче. Веселье и смех стали царить в их пещерке. Бросив самообладание к чертям, тот заскулил:

-Подыграй что-нибудь на своей дудочке... - и не разбирая ситуации, сходу вручил ей купленную в городе флейту, хотя у Габри была и своя.

Ну та и начала: заунывные вальсы и народные песни под кривое пение юноши; веселые песни и излюбленная парнем чечетка, что даже сейчас он отбивал ее в ночи. А Габриэль смеялась и смеялась, осторожно и внезапно протягивая инструмент Морису:

-Попробуй.

Отдышавшись и набирая еще больше воздуха, тот взглянул на флейту и, несомненно, не зная как с ней обращаться, куда-то дунул, зажав какие-то отверстия. Звук вышел неприятным и противным, лишь девушке на потеху. А она и смеялась, смеялась до слез и боли в животе. Забрав флейту, та стала травить анекдоты. И Морис ей рассказывал разные-разные истории, и всякие разные шутки.

Долго они смеялись, хохотали. Делали лишние движения, смеялись в истерике, и тихо, в себя. Смех и веселье остались в их пещере на ночь, а по успокоению, те затаили старые-старые песни. Пели слаженно, что даже на душе светлело.

Пели громко, иногда заикаясь, но душевно.

Пели одну песню за другой, пели и пели, пока не вспомнили какую-то грустную. Томная песня не звучала так громко и красиво.

Все замолчали.

Никто не пел.

Все ушли из теплой пещерки, оставив их двоих.

Молчание прервалось лишь всхлипами Габри. Песни ей напомнили о родном доме, лишь о родном доме так сильно, что сразу хотелось вернуться в родное село. Полное народу и

шуму село. Как она соскучилась по дому, как она соскучилась по людям, как она соскучилась по шуму:

-Я так соскучилась.

Она плакала, плакала в его грудь, захлебываясь. Она хотела лишь домой. А он гладил ее по голове, обнимал и целовал в макушку:

-По дому?

-Да...

Тот внезапно бодро встал, поставив руки в боки:

-Так пойдем домой, чего мы тут сидим.

Та утерла слезы, и не обдумав происходящее, сразу собрала все вещи, которые были в пещере.

Они ушли оттуда.

Проснулся Морис рядом с рекой. Над ним гордо нависал туман, деревья наклоняли свои ветви, делая ему потолок, подобно тучам. Сам был почему-то голый, у рядом лежащей Габри развязано платье, сумка лежит где-то далеко, голова болит...

-Что произошло?...

ГЛАВА 13

Солнце.

Снова солнце пыталось пробиться сквозь мрак.

И пробилось.

Пробилось сквозь вечный туман, пробилось сквозь тучи.

И наконец-то светило, светило на радость норвежскому народу!

Наконец-то освещало, сверкая от радости. Наконец-то солнечное сияние, наконец-то народная радость!

А они шли домой. В деревню Бейран.

Шли и шли, что решили устроить себе передышку.

Прекрасные цветы расцветали, чтобы насытиться солнцем.

Расцветали, расцветали красные маки, синие васильки, белые подснежники. Все они украшали зеленую полянку.

Она села прямо к цветам, собирая их. Больше всего та любила васильки, брав их в руки, та уплывала в размышления.

Размышления о счастье и любви.

А юноша лишь восхищался этой картиной, проникаясь любовью к девушке. И проникшись так сильно, тот поник в непонимании, как он может выразить свои чувства; что лишь подошел и сел сзади, заплетая ее волосы в косу:

-Я не делаю тебе больно?

Габриэль оторвалась от раздумий, устраиваясь удобнее и бросая цветы на колени.

Сколько ласки, сколько искренней любви было в нем. Она искала, искала ласку, искала любовь и наконец-то нашла.

Нашла человека.

Ужасного, неуклюжего человека; отвратительного, болезненного

человека; неприятного, скромного человека.

Но полного любви.

Настолько полного любви, что лишь отдавал ее и отдавал. Даже сейчас, нежно перебирая ее локоны, он отдавал ей, своей душе, любовь.

Но и сам он иногда нуждался в ласке, и лишь она помогала ему.

Они давали любовь друг другу.

Они помогали друг другу.

Они правда любили друг друга.

Они нуждались в любви, так нуждались, и получали ее.

Друг от друга.

-Нет, - она не была многословна, однако уже выжидала любви.

И как она была рада получить ее!

-Разреши взять твои цветы, - тот лишь хотел украсить ее косу.

-Конечно.

Габри лишь вспомнила о том, что юноша не был до конца здоров, о чем напоминал регулярный кашель и маячащая рука около живота:

-Как твое... Твои... Ты... - та так и не смогла полностью сформулировать то, что хотела сказать, однако Морис понял ее и без объяснений. Хлопнув кулаком по груди, тот со смешком ответил:

-Куда ни шло.

Цветы пестреющей россыпью украшали ее густую косу, пока тот все доплетал и доплетал...

Она была окружена любовью, что ей пришлось спросить:

-А почему...- она забывала слова, - ...ты любишь меня?

Ответ поступил незамедлительно:

-Я искал тебя, Габриэль, в том лесу. Я всегда любил тебя, - тот довольно опустил руки, кладя на колени, - Готово!

Ощупав свою голову, та благодарно смотрела на него, что в радостном волнении им не хотелось уходить с поля.

Но пролежав некоторое время там они пошли.

Домой.

ГЛАВА 14

Солнце все еще пыталось безнадежно пробиться.

Пришла весна.

Солнце правда иногда выглядывало, лед с треском таял, и наконец растаял.

Цветы давно распустились, земля стала теплой. Он даже вплетал их девушке в косу. Листья уже давно зеленели. Солнце пробилось сквозь тучу, и так радовалось, так светило, светило через тучу. Наконец-то пробилось, наконец-то смогло!

А они все шли, радуясь такой победе, шли домой, в родные

мечты.

К душе, к их общей душе, к обители ласки.

Все шли и шли, чувствуя приближение к родному, чувствуя запах родного, чувствуя его.

Как запах цветов, как запах листвы, как запах мокрой земли.

Так пахло родное.

Габри лишь слегка устала, когда силы Мориса были совсем на исходе.

Девушка, заметив речку, подозвала его:

-Давай купаться.

Тот был только за, ведь даже такой отдых ему был нужен. Хотя и состояние у юноши было не лучшее. Но ему было так все равно, что вскоре они отдыхали в талой воде.

Вот оно, настоящее счастье, настоящая радость!

Смеяться и веселиться, плескаться и плавать туда-обратно в поисках большего света.

А свет смог пробраться, смог остановить их и окунуть в светлую воду.

И так радостно было, так хорошо...

ГЛАВА 15

Дорога домой.

Дорога домой вела к родному, к старому, к любимому.

К душе, к третьей душе Мориса.

Где же вторая?

Шагает рядом с ним, ожидая поскорее увидеть родное.

Где же первая?

Светит внутри него, освещает и весь мир, и девушку, и его самого.

Дорога вела к душе.

Душа вела к безумным творческим мыслям.

Безумные мысли ждали реализации, ждали искусства.

Они уже приближались к деревне настолько близко, что уже виднелись крыши последних домиков, что виднелись все дальше и дальше, приводя к душевному спокойствию.

Импульс.

Безумное желание.

Реализация.

Он разделся, он разделся до гола, пробежал рысцой к нарциссам, бросил одежду и лег, прикрывая глаза. Габриэль глядела на него спокойно, лишь с небольшим недоумением.

А тот лишь говорил ей:

- Ложись рядом!

И вскоре его душа лежала рядом с ним в обнимку. Ее разморил сладкий запах цветов.

-Закрывай глаза, ты очень устала.

Та провалилась в сон.
-Мы проснемся и придем. Придем домой...
ГЛАВА 16

Возвращение.
Возвращение прекрасного в жизнь.
Возвращение счастья, возвращение спокойствия, возвращение к общей мечте.
Возвращение к людям.
Возвращение в родной дом.
То родное, чего они вдвоем желали, та незримая ласка, что они вдвоем желали; та забытая любовь, что они вдвоем желали.
И пришли.
Пришли к желаниям.
Пришли к забытым мечтам.
Пришли через таявшие льды и снега, пришли через хруст палок с деревьев, пришли через мягкую зеленую траву, пришли через горы.
Пришли через душевную боль.
И успокоили ее.
Взаимопониманием.
Лаской.
Любовью.
Добротой.
Но мечта все горела, все рвалась из души, все хотела повидать желанное.
И увидела.
В маленькой деревне.
Как же они по ней соскучились...
Габриэль стояла около родных домов.
Наполненных людьми.
Шум, голос- наконец-то.
Это то, чего она так долго хотела.
То, что делало ее настолько радостной, что она плакала.
Радостно плакала.
Радостно рыдала, навзрыд рыдала.
Но так она была рада, так счастлива!
Она обнимала, так крепко сжимала Мориса, захлебываясь своим счастьем.
Как же ей было хорошо...

ГЛАВА 17

Морис ждал.
Морис хотел возвращения.
К матери, к теплу, к свету.

К родному.
Так ему было плохо без родного.
Еще он хотел увидеть дом Габриэль. И как он был рад видеть, как она, счастливая-счастливая, уже наплакавшись самыми счастливыми на свете слезами, плясала для себя и для народа в шитом им самим платье и в расписном корсете.
И так светло было на душе.
Счастье царило везде, даже Солнце стало проглядываться.
Морис захотел поздороваться с мамой.
С родной ему матерью, мамочкой.
Мамой.
Он любил ей помогать, Морис любил маму.
Хотел ей показать Габри, хотел сказать, что нашел героиню старой сказки; хотел сказать, что нашел мечту и вернулся в родной дом.
К родной маме.
Он счастливо открыл дверь в свой старый дом, проникаясь старыми и дивными воспоминаниями о детстве. Куча приятных моментов, чудесного времени с мамой. Куча ласки и любви, похвал и одобрения от мамы. Куча восторгов и счастья с мамой. У них почти не было ссор, они с ним были всегда душа в душу, поддерживая друг друга.
И где же, где она?
-Мамочка!
Может, она хлопчет по дому?
Нет.
-Мамочка, принимай гостей!
Может, она где-то в саду?
Нет.
-Где же ты, матушка?
Может, она сидит в кресле с кружечкой чая?
Нет.
-Матушка!
Может, она задумчиво смотрит в окно в гостиной?
Нет.
-Мама...
Может, она сладко спит в своей кроватке?
Нет.
-Мамочка...
Нигде не было мамочки.
Может, она у соседей? Может, она пошла его искать? Может...
-Да ее давно уже захоронили. А ты где был? Поди, съехал?
Морис вернулся, схватился за живот, падая на колени.
И расплакался.
ГЛАВА 18

-Ну-с, мой мальчик, - явно не местный товарищ пытался согреть снова замерзшего, хоть и весной, парня, - Доволен собой будешь?

А Морис сидел, укутавшись в его плед и лишь глупо лупил глазками. Кажется, чем-то зол на него был переплетчик-редактор.

Может, ему не понравился его поход?

Может, он хочет знать о путешествии больше?

Может, он скучал?

Да какая разница уже.

Редактор Борис лишь держал его за костлявые ручки. Тоненькие, поцарапанные пальчики, измазанные в чернилах, выпирающие костяшки...

Держал его и держал, что казалось, больше никогда не отпустит.

Он волнительно выдохнул, открывая свои глаза:

-Рассказывай, где бывал, - он схватил его еще крепче, поправляя очки, - Доволен, до чего довел себя?

Парень лишь смотрел на него круглыми глазами, поражаясь такому поведению товарища. Голос у него дергался, смотрел он укоризненно и звучал странно. Однако тот в ту же секунду схватил его кривые ручки, поднес к себе и тихо, горько расплакался в них.

Морис хотел встать, вскрикнуть, успокоить; но он лишь с виноватым видом смотрел в пол, не понимая причин такой реакции. А тот лишь вытирал слезы о его руки, выпуская все свои переживания и радуясь, чертовски радуясь приходу своего товарища.

Да, к чудакотовому Герру, к сумасшедшему Герру, к непонятному Герру тот уже привязался. Привязался к его регулярным приходам, к его стихам и прозе. И такой он стал ему родной: очаровательные черты лица, хиленькое телосложение, облешшее синее пальто; и чудакотовость, вся эта чудная чудакотовость...

Такое ему стало все родное.

-Волновался я за тебя, мой мальчик...- тот вздохнул под объятья чудакотового Герра, - И как же радостно тебя видеть...

Он не скрывал ни одной своей эмоции, а когда ему стало спокойнее, то он стал протирать свои очки, спрашивал, шмыгая носом:

-Валяй уже, коли пришел...

-Я нашел ее, - радостно объявил Морис, - Нашел, Герр.

Тот быстро взгляделся в радостное лицо.

-И где же она сейчас? - тот был правда поражен находке.

-В моём доме, - тот весело щелкнул, - Это недалеко-с.

-Так веди же, покажи-с ее! - тот схватил его за руки.

Солнце все билось и билось через бесконечные тучи.
Туман мешал ему пробиться, встал над землей и водой.
Утро было веселым

Про Бориса и Уве

Глава 1.

Пурга залепила глаза.

Снег путался в лохматых волосах.

Он открывает дверь в тёплый дом.

Заходит, раздевается.

Не успев пройти на кухню, его тут же встретил долговязый и веснушчатый мужчина и сжал в объятиях.

- Здравствуй, Уве, - произнёс Борис, поднимая очки к макушке, - Как твой день?

Уве долго внюхивался в чужие волосы, после чего ответил:

- Ничего из ряда вон выходящего, - тот отстранился, схватив товарища за его пухлые ручки, - Ты устал?

Ответ поступил незамедлительно:

- Не спрашивай, - тот тяжело выдохнул.

Молча прошли на кухню.

Отужинали.

Разговорились.

Диалог был практически ни о чем.

- Все в порядке с твоей работой? - обеспокоенный Уве положил худощавую ладонь на колено засыпающего друга, - Чудаки являлись?

- Являлись, - протянул Борис, протирая очки.

- А тот забавный Герр? - Уве улыбнулся.

- А, он, - редактор блаженно улыбнулся ему в ответ, прикрывая глаза и зевая, - Если ты про Герра Мориса Кьеррсона, то да, он является. Регулярно.

Тот выдохнул, закрыв глаза:

- И не один, с женой.

Уве похлопал глазами, когда на его макушку упала пухлая ручка, поглаживающая его голову:

- Местная?

- Не совсем, - Борис удобно устроился на кресле, - Говорит, в лесу нашел.

Блондин подёргал веснушчатым вздёрнутым носиком и спросил:

- Как мы нашлись?

Борис засмеялся:

- Ты что, помнишь как это было?

Уве улыбнулся:

- Помню

Глава 2.

- Аргх, черт возьми! - мужчина протер карие глаза, пиная шишку,
- Чертов лес! Ничего не видно!

Сумерки уже давно сошли.

Наступила темнота, но Луна ещё не пришла и не оставила свет.

- Ни одного грибочка! - возмутился мужчина, подёргивая
большим носом.

Пройдя ещё некоторое расстояние и споткнувшись пару раз,
Борис увидел свет.

Окна церкви.

Борис пошел на свет.

Всяко лучше, чем ходить заплутавшим в темноте.

Он побежал, побежал через зеленеющий пригорок, побежал к
окнам.

Побежал к церкви.

Побежал к свету.

Городские дорожки.

Кроме церкви нигде не горели огоньки.

Юноша с фонариком вышел первым оттуда.

Борис решил медленно шагать за ним. Чтобы тот не заметил.

Они дошли до дома юноши.

Тот повесил фонарь и посмотрел на шедшего за ним Бориса.

- Нvem er du? - белесый и веснушчатый юноша схватился за
грудь.

Борис не разобрал ни слова, но понял, что на русском с ним тут
не поговорят. Он не понял, где он.

- Вы разговариваете на русском? - мужчина поглядел на
длинного юношу, но тот лишь похлопал глазами и промолчал.

- На французском?

Юноша снова промолчал.

- ...На немецком?

Юноша закивал головой и от безысходности ситуации, пригласил
его в свой дом. Немецкий- бесполезное знание в этих краях,
оказался крайне полезен сейчас. Говорили они, конечно, крайне
ломано:

- Откуда вы? - спросил долговязый.

- Архангельская губерния, - нахмурился Борис, - Полагаю, я
больше не здесь.

- Верно полагаете.

- Куда я пришёл?

Юноша поморгал удивленными и ясными голубыми глазами,

демонстрируя свои светлые ресницы:
- Норвегия, - он помог раздеться Борису и предложил чаю.
Мужчина крайне удивился:
- Как это... - он был крайне озадачен и удивлен, но скрывал своё удивление смущением.
- Город Буде, - юноша ухмыльнулся, - А вы из города?
- Не совсем, - хмыкнул Борис, кивая долговязому на закипающий чайник, - Полагаю, вы даже не знаете, где эти места, так что углубляться в названия не стану.
Юноша сам налил чай, что немного удивляло Бориса:
- Верно полагаете.
Мужчина улыбнулся, принимая чай из худых рук:
- Благодарю, - он посмотрел в светлые и тревожные глаза юноши,
- Как твое имя?
- Уве, - сжался тот рядом с ним, подобно воробью, - А вы?..
Тот вынул на него свои карие глаза, и Уве только заметил, насколько они большие.
- Борис, - тот хлебнул чаю, поправляя очки, - Мама называла Боренька.
Несколько минут напряжённого молчания, после чего Борис без стеснения спросил:
- А кушать есть что?
Уве покосился на него, тяжело отвечая:
- А вы собираетесь остаться?
Тот ухмыльнулся, похлопав юношу по спине:
- Если не у тебя, то где-нибудь ещё, - Борис улыбнулся, пошевелив носом, - Дома все равно никого, а ты интересный. Всяко веселее, чем в пустоте.
Уве посмотрел в бездонные глаза напротив сидящего Бориса.
Выдохнул.
Произнёс:
- Оставайтесь, - улыбнулся, схватившись рукой за заднюю сторону шеи, - Оставайтесь навсегда.

Глава 3.

Сожительство давалось им крайне легко и приятно, но немного скованно.
Неуверенно.
Стеснительно.
Уве успешно помогал Борису с языком. Хоть ученик из него непутевый, но язык оказался простым для понимания.
Солнце редко являлось, но иногда они гуляли вместе.
Сегодня тоже.
Уве иногда пытался пригладить непослушные волосы соседа.

Однако, каштановые лохмы никак и никуда не приглаживались.
Внезапная тревога.
Неясно откуда взявшиеся тяжелые мысли.
Тревожные мысли.
Был рождён грешным.
Был рождён убийцей.
Он ушёл.
Скрылся.
Борис думал, что тот скоро вернется.
Он часто уходил, ничего не сказав.
Однако прошёл час.
Второй.
Третий.
Борис стал беспокоиться.
Стал искать.
Приоткрытая дверца.
Уве заметил его в миг.
Прошёл, шмыгнув носом.
Упал, растворился в объятиях.
Борис обнимал, держал в своих руках трясущееся и плачущее
долговязое тело.
Казалось, в его руках оно настолько маленьким, худым и
холодным.
Напуганным.
Трясущемся.
Беззащитным тельцем.
Такой вот он.
Уве.

Глава 4.

Это утро было удивительно спокойным.
Прошёл год, может два, как он поселился тут.
Снежная зима, прогулки.
Разговоры дома только на норвежском.
Сидят дома.
Обедают.
Стук в дверь.
Уве асоциален.
Борис открыл.
- Здравствуйте! - небольшая девушка на сантиметров десять
ниже его стояла с сумкой в шерстяной пальто и шмыгала
вздернутым веснушчатый носиком, подобно Уве, - А можно.. Э..
Девушка замешкалась, но Борис предугадал её тревогу:
- Тебе Уве нужен?

- Да! - выдохнула девушка, - Он здесь?
Борис улыбнулся:
- Разумеется, где ему ещё быть?
Он стал звать долговязого друга, подводя его к двери:
- ...Говорит, к тебе.
- Ингрид! - вскрикнул юноша, подхватывая девушку на руки.
Она смеялась, пока Уве кружил её на руках и целовал в обе щеки и в светлую макушку.
Опустив её на пол, юноша объяснился:
- Борис, - начал он радостно, - Это Ингрид, моя любимая сестра.
Ингрид,- Уве схватил сестру за руку, - Это Борис, мой... Сосед.
Ингрид доверчиво пожала руку Борису:
- Приятно познакомиться!
Уве, как заботливый брат, затащил её в тепло, накормил, напоил чаем.
А после стал катать её на спине, устраивать будущий ночлег и звать в свою любимую церковь.
Казалось, Борис никогда не видел его таким счастливым.
Только когда они чай пьют.

Глава 5.

- Так оно и было... - Борис зевнул, глядя в окно. Метель остановилась. Снег медленно спускался на землю.
Вскоре воцарилось молчание.
Свойственное им молчание.
Через тишину они понимали друг друга лучше, чем через слова.
После пришло мирное сопение.
Уве поглядел на спящего друга и стянул с него очки.
Уве улыбнулся спящему другу в кресле.
Ему казалось, что Борис сквозь сон улыбался ему в ответ.
А он правда улыбался.

Смерть Мориса (альтернативная концовка)

Казалось, в этот день солнце заглохло.
Солнце больше не появлялось на небе, солнце больше не могло пробиваться через вечную мглу, через вечный туман и тучи.
Сегодня умер поэт.
Значит, он умер красиво?
Нет.
Значит, он умер за свою любовь?
Нет.
Значит, тысячи душ вспоминают его?
Нет.
Он умер тихо.

- Габри, мне всё еще холодно...

- Габри, я замёрз...

- Габри, я....

Та лишь держала обмороженную тушку на своих руках в попытках согреть.

Снег за окном ещё валил.

Казалось, он ничего не чувствует. Лишь слышит.

Слышит самый нежный голос на свете.

Самый нежный голос на свете иногда перебивали вздохи с предыханиями.

Чай, пуховое одеяло, что-то тёплое в ногах...

Полностью синие конечности, волдыри, боль в горле...

Боль проходила по телу сначала холодком, а после обжигающим кипятком, не дающим дышать.

В попытках дотянуться до своего тепла, он дотянулся лишь до холода, который убивает его.

Сегодня умерло чудаковатое нечто.

Сегодня умер Герр Кьеррсон.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>